

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2026, Том 17, № 3 / 2026, Vol. 17, Iss. 3 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2026.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK326.pdf>

DOI: 10.15862/08SCSK326 (<https://doi.org/10.15862/08SCSK326>)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Цырульников, К. И. «Остаться или уехать»: гражданская идентичность жителей регионов в сложной социально-экономической ситуации / К. И. Цырульников, Л. Г. Невеличко, В. А. Каштанюк // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2026. — Т. 17. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK326.pdf>. DOI: 10.15862/08SCSK326.

For citation:

Tsyrunnikov K.I., Nevelichko L.G., Kashtanyuk V.A. To stay or to leave: civic identity of regional residents in a complex socio-economic situation. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2026;17(3): 08SCSK326. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK326.pdf>. DOI: 10.15862/08SCSK326. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 316

Цырульников Кирилл Иванович

ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема», Биробиджан, Россия
E-mail: i@tskirill.ru

Невеличко Любовь Григорьевна

ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема», Биробиджан, Россия
Доцент
Кандидат социологических наук
E-mail: lnevelichko@bk.ru
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=655894

Каштанюк Валерия Александровна

ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема», Биробиджан, Россия
Заведующий кафедрой «Истории»
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: valeriya-77@mail.ru
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=642812

**«Остаться или уехать»: гражданская
идентичность жителей регионов в сложной
социально-экономической ситуации**

Аннотация. Проблема гражданской идентичности приобретает особую значимость в условиях усиления миграционного оттока постоянного населения из малых городов и депрессивных регионов России. Данное исследование фокусируется на Еврейской автономной области (ЕАО) — уникальном регионе, но с глубокой депопуляцией.

Цель работы — изучить, как гражданская идентичность жителей ЕАО влияет на их миграционные настроения и может ли она стать фактором удержания населения.

В исследовании использованы как общенаучные методы, так и контент-анализ региональных СМИ и социальных медиа для выявления ключевых нарративов о территориальной идентичности.

Выявлено, что, несмотря на сокращение численности населения, у части жителей ЕАО сохраняется выраженная локальная идентичность, связанная с уникальной историей региона. Однако эта идентичность чаще выступает как «ностальгический якорь», а не как фактор, препятствующий оттоку молодежи.

В качестве механизма формирования территориальной идентичности авторы рассматривают позитивный ресурс социальной инженерии как социальную технологию, побуждающую людей к действиям, которые улучшают качество жизни, укрепляют общественные связи и решают социальные проблемы.

Результаты показывают, что в условиях депопуляции гражданская идентичность в ЕАО носит противоречивый характер: она поддерживает связь с территорией у старшего поколения, но не способна остановить миграцию молодежи.

Исследовательские данные ставят под вопрос эффективность традиционных подходов к укреплению территориальной идентичности в депрессивных регионах и указывают на необходимость внедрения новых стратегий, предложенных автором, учитывающих экономические и инфраструктурные факторы.

Ключевые слова: идентичность территориальная; идентичность гражданская; социальная инженерия; этатизм; патернализм; миграционный отток; демографический кризис

Введение

Состояние малых городов российского приграничья помимо социально-экономических проблем характеризуется высокими темпами депопуляции, что создаёт вызовы для их устойчивого развития [1, с. 103]. Миграционный отток из депрессивных регионов России актуализирует проблему сохранения населения и формирует запрос на выработку механизмов укрепления территориальной идентичности, которая, по мнению ряда экспертов, формирует у жителей «внутренний якорь» и желание связать своё будущее и будущее своих детей с малой родиной [2, с. 15].

Вместе с тем операционализация понятия «формирование идентичности» сопряжено с методологическими и этическими рисками: оно может трактоваться как инструмент социальной инженерии, предполагающий директивное воздействие на ценностные ориентации и мировоззрение жителей.

Эта тема актуализирует научно-практическую дилемму: каким образом согласовать принципы свободного выбора граждан с объективно существующими этатистскими функциями государства и исторически обусловленным запросом населения на патерналистскую поддержку? Как выстроить такую модель управления, когда государственное присутствие имплицитно будет стимулировать граждан к локальной самоорганизации и добровольному участию в улучшении среды обитания, обеспечивая тем самым не принудительную, а устойчивую эмоционально-рациональную привязанность к месту проживания?

В этом контексте особый интерес представляет Еврейская автономная область (ЕАО) как регион с уникальной историей заселения и развития, но с крайне сложной демографической ситуацией. ЕАО стабильно теряет население на протяжении последних десятилетий: с 1992 года регион недосчитался свыше 76 тыс. жителей, причём сокращение численности происходит в основном за счёт миграционного оттока, а не естественной убыли [3, с. 112]. Таким образом, задача удержания населения трансформируется в комплексную проблему, требующую анализа причин миграционного оттока населения, разработки «программы народосбережения на основе системного подхода, интеграции различных мер и координации усилий разных сфер деятельности.

Методология исследования: социальная инженерия и либертарианский патернализм

Формирование социальных установок, ценностей и идентичности — предмет деятельности социальной инженерии. Социальная инженерия в современном понимании представляет собой многоаспектную деятельность, направленную на сохранение и воспроизводство целостности систем или их целенаправленную трансформацию.

Социальные технологии — это алгоритмически выстроенные операции и процедуры, направленные на упорядочение и оптимизацию общественных процессов. Специалисты, разрабатывающие и применяющие социальные технологии, определяются как социальные инженеры [4, с. 89].

Феномен социальной инженерии послужил поводом не только для научной рефлексии относительно роли и места государства в процессе управления субъектностью, но и развернул дискуссию о роли личности в условиях неизбежного институционального контроля (этатизма) и опекающего регулирования (патернализма). Научная полемика представлена альтернативными точками зрения: одни исследователи рассматривают социальную инженерию как насилие над личностью. Так, Энтони Гидденс в рамках теории структурирования подчеркивает, что идентичность должна формироваться естественно, через повседневные практики, а не навязываться сверху [5]; Зигмунт Бауман рассматривает идентичность как текучий, изменчивый процесс, который не должен подвергаться жесткому конструированию со стороны власти [6]; Мишель Фуко в концепции дисциплинарных институтов показывает, как государственные механизмы могут контролировать идентичность, ограничивая свободу личности [7]. Согласно этой позиции, искусственное формирование идентичности через пропаганду, образовательные программы или символическую политику может приводить к отчуждению и сопротивлению.

Другой подход часто рассматривает патернализм как идеологическое обоснование этатистской политики: государство не просто контролирует, но оправдывает это «заботой» о гражданах. Одной из наиболее влиятельных концепций в этом подходе является теория «подталкивания» (nudge), разработанная Р. Талером и К. Санстейном. Данная теория представляет собой научно-практический подход в области поведенческой экономики, в соответствии с которым людей можно намеренно «подталкивать» к более рациональным решениям, используя методы и результаты исследований наук о поведении, в том числе психологии [8, с. 34]. Р. Тайлер, размышляя о патернализме государственных институтов, выступает за сознательные усилия частных и государственных институтов, направляющих акты выбора людей в русло, повышающее их благосостояние. Теория подталкивания основывается на определённых идеологических позициях, которые получили название либертарианского патернализма. Суть либертарианского патернализма сводится к благонамеренным манипуляциям, подталкивающим людей к оптимальному решению, но оставляющим определённую свободу выбора. Как поясняют авторы, либертарианский аспект прост: в целом у людей должна быть возможность делать то, что им нравится, и отказываться от того, что не по душе.

Патерналистский аспект заключается в том, что архитекторы выбора вправе предлагать такие варианты, которые улучшают благосостояние людей [8, с. 37]. Ключевая идея концепции заключается в том, что на поведение людей влияет дизайн среды, в которой люди принимают решения. Изменяя «архитектуру выбора», можно подтолкнуть человека к более благоприятным для него и для общества действиям без использования явных запретов или дополнительных поощрений. Классические примеры: размещение полезных продуктов на уровне глаз в столовой (подталкивание к здоровому питанию) или автоматическое зачисление работника в пенсионный план с правом отказа (подталкивание к накоплениям) [8, с. 112].

Эта концепция уже стала востребованной в области государственного управления и публичной политики во многих странах. При британском правительстве создана «Команда поведенческих инсайтов» (так называемая «Команда подталкивания»), аналогичные структуры работают в США, Австралии, Сингапуре. В российской науке также исследуются возможности применения либертарианского патернализма. В работах О. В. Романовской рассматриваются формы проявления и перспективы внедрения либертарианского патернализма в российском законодательстве применительно к охране окружающей среды, трансплантологии, регистрации брака, сохранении здоровья людей [9, с. 115].

Анализируя патернализм как государственную практику, отечественные исследователи отмечают его исторически сложившийся характер, ставший привычной социальной практикой для наших граждан. В научном дискурсе этатизм в России трактуется как системообразующий, фундаментальный принцип устройства общества, в котором государство выступает главным субъектом социальных изменений и единственным гарантом стабильности [10].

Взаимоотношения российского государства и общества обусловлены культурной традицией, когда общество воспринимает себя как патриархальную семью, а государство — как объект патерналистских ожиданий, выполняющего обязанности главы семьи и осуществляющего «отеческую» опеку над своими подданными. Этатизм и патернализм в данной системе сложившихся отношений выступают культурными маркерами цивилизационной идентичности России, обуславливающей экспансию государства в разнообразные сферы социального и индивидуального бытия. Следовательно, патернализм в России — это не только политическая практика, осуществляемая государством, но и стиль социальной жизни, обусловленный российским политическим менталитетом [11, с. 9].

Критики этого подхода указывают на подавление инициативы и высокий риск стагнации, сторонники же аргументируют свою позицию внешней нестабильностью и историко-географической спецификой России. А. Л. Темницкий подчеркивал, что патернализм действительно выступает обобщающей характеристикой российской цивилизации, но патерналистские установки и практики поведения работников следует рассматривать как сдерживающий фактор, а не как духовные «скрепы» в развитии российской цивилизации труда [12]. Е. И. Долгаева также отмечает «наследственный» характер патернализма, объясняя этим инфантилизм общества в современной России, бесконфликтно воспринимающего интервенцию государства в жизнь социума, считая, что государство все должно давать и делать» [13, с. 185].

В России элементы либертарианского патернализма применяются при проектировании портала «Госуслуги» (автоматическое заполнение форм, напоминания о сроках) и в программе «Автоплатеж» ЖКХ [13, с. 112].

Концепция «подталкивания» и либертарианский патернализм вызывают не только научную, но и острую этическую дискуссию. Как отмечают исследователи, даже мягкое подталкивание может подрывать автономию личности и использоваться в корыстных целях [14, с. 42–59]. Р. Арнесон указывал на то, что любое целенаправленное изменение выбора, даже ненавязчивое, требует этического оправдания, аналогичного оправданию более прямого принуждения [15].

В научной литературе выделяются следующие критерии этически допустимой социальной инженерии [16]:

1. *Прозрачность*. Подталкивание должно быть очевидным для человека. Он должен понимать, что, как и почему на него влияет. Скрытые алгоритмы, «тёмные паттерны» (dark patterns) интерфейсов и нераскрываемые методы формирования поведения признаются недопустимыми. Например, если региональная карта жителя даёт кэшбэк за стаж проживания, это условие должно быть явно прописано в договоре, а не скрыто в мелком шрифте.

2. *Обратимость и лёгкость отказа*. У человека должна оставаться реальная возможность выбрать альтернативный вариант без значительных издержек. Если отказ сопряжён с катастрофическими последствиями (потеря работы, здоровья, свободы), подталкивание превращается в принуждение. В контексте ЕАО это означает, что житель всегда может уехать в другой регион, даже если при этом теряет накопленный кэшбэк или обязан вернуть образовательный грант. Но его не лишают права на выезд, не блокируют счета и не преследуют уголовно.

3. *Цель — расширение, а не сужение возможностей.* Этичное подталкивание помогает человеку сделать выбор, который соответствует его долгосрочным интересам (сохранение здоровья, финансовое благополучие, социальные связи). Если же цель — исключительно удержание человека в регионе вопреки его воле (например, путём создания искусственных барьеров для трудоустройства в другом месте) — это уже не либертарианский, а авторитарный патернализм.

4. *Публичное обоснование и демократический контроль.* Внедрение механизмов социальной инженерии должно сопровождаться общественным обсуждением и экспертизой, особенно когда речь идёт о государственной политике. Желательно участие независимых этических комитетов и возможность апелляции для граждан.

Это означает: предлагаемые инструменты (карта жителя, образовательный грант, парки поколений) должны быть формализованы в виде прозрачных правил, доступных для ознакомления. Человек должен знать, что при переезде он теряет кэшбэк или должен вернуть грант — и это его осознанный риск. Никаких скрытых «ловушек» (например, невозможности выписаться из квартиры без согласия муниципалитета). Кроме того, должны существовать механизмы апелляции и исключений (например, для переезда по медицинским или семейным обстоятельствам, подтверждённым документально). Только при соблюдении этих условий социальная инженерия может считаться этически приемлемой.

В российской научной литературе также подчёркивается, что социальный инженер должен руководствоваться принципом «не навреди» и нести ответственность за долгосрочные последствия своих проектов [17, с. 93]. Формирование гражданской идентичности не должно превращаться в «промычку мозгов» или создание иллюзии свободного выбора там, где его нет.

Обсуждение темы гражданской идентичности

Конструкт «гражданская идентичность» является одним из ключевых в современной социологии и политологии. Как отмечают исследователи, гражданская идентичность представляет собой сложный феномен, включающий социальную, государственно-гражданскую и глобальную идентичность. Обзор исследований в этой области показывает, что все многообразие подходов объединяет один ключевой принцип: идентичность формируется как двунаправленный процесс, включающий институциональное регулирование и самоидентификацию личности, то есть идентичность имеет два аспекта: внутренний (личностный) и внешний (социальный).

Э. Эриксон, обогативший научный дискурс понятием «идентичность», отмечал, что формирование идентичности происходит в процессе взаимодействия личности с социальным окружением [18]. Г. Тэддфелд, чьи научные труды в исследуемой области признаны самыми авторитетными в профессиональном сообществе, разграничивал уровни персональной и социальной идентичности, акцентируя внимание на значимости социальных детерминант в процессе самоопределения личности. Более того, именно принадлежность к социальной группе он называл фактором, играющим доминирующую роль в становлении личностной идентичности [19, с. 72]. В этом с ним был солидарен Э. Гидденс [5], отводящий ведущую роль в формировании личностной идентичности социальным институтам. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, идентичность есть продукт диалектической взаимосвязи индивида и конкретного общества [20]. Т. Парсонс рассматривал идентичности как неразрывное единство внешних и внутренних факторов, полагая, что идентичность является не состоянием, а структурной характеристикой личности, которая складывается из двух основных компонентов: осмысления человеком системы, в рамках которой протекает его бытие, и принятия им общественных норм, определяющих его позицию в данном нормативном поле [21, с. 113–115].

Таким образом, полное научное осмысление процесса формирования идентичности требует обязательного включения анализа социальных детерминант, которые играют ключевую роль в формировании индивидуальности и на фоне которых происходит социальное самоотождествление индивида.

В центре внимания исследователей — идентичности, в которых сочетаются этнические, региональные и государственно-гражданские компоненты, а также динамика различных видов идентичности, связанных с миграционными процессами и изменениями роли исторической памяти.

Среди компонентов социальной идентичности особое значение исследователи придают идентичности гражданской. Сходясь во мнении, что гражданская идентичность — важнейшая часть социальной, аналитики расходятся как в определении ее сущностных характеристик, так и в едином терминологическом оформлении этого понятия [22].

В работе Л. М. Дробижевой и её соавторов «Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра» анализируется, как менялась гражданская российская идентичность от последнего десятилетия XX в. к началу второго десятилетия XXI в., как она сочеталась с конкурирующими идентичностями — этнической и региональной — и соотносилась с этнокультурными ориентациями [2, с. 78–82]. Авторы приходят к выводу, что в периоды экономических кризисов региональная идентичность может усиливаться как форма защиты от «внешнего» (федерального) давления, но при этом не обязательно вступает в конфликт с гражданской идентичностью.

Волков Ю. Г. с соавторами рассматривают региональную и гражданскую идентичность как фактор консолидации российского общества в качестве консолидирующего фактора. Авторы подчёркивают, что гармоничное сочетание этих двух уровней идентичности — ключевое условие социальной стабильности [23, с. 14–24].

Базовым уровнем для формирования региональной, гражданской (территориальных) идентичностей является **локальная** идентичность, маркерами которой выступают малая родина, экономическая специализация территории, черты коллективного поведения, особенности ландшафта и климата, исторические события и значимые люди, локальные мифы [17, с. 105].

Особый интерес для настоящего исследования представляет феномен локальной идентичности в малых городах и депрессивных регионах, особой «болью» которых является отток молодежи за пределы малой родины. Как показывают исследования, подавляющее большинство выпускников одиннадцатых классов школ как в средних, так и в малых городах связывают свою последующую жизненную траекторию с миграцией, при этом в средних городах намерены остаться 12 % школьников, а в малых — всего 4 %; основной канал миграции — образовательный: от 91 % выпускников в малых городах до 94 % в средних городах намерены получить высшее образование в вузах крупных городов, что является потерей социального капитала для провинции [24].

Мкртчян Ю. Ф. дополняет характеристику процесса оттока молодежи с территорий малой Родины, указывая, что потеря глубинкой молодежи преимущественно в возрасте 17–19 лет имеет негативную тенденцию, причем, наибольшие масштабы выезда молодежи характерны для сельских поселений [25].

Фундаментальными причинами оттока населения из малых городов России считают невысокие доходы, узость рынка труда и прочие экономические проблемы, свойственные глубинке. Немногие уехавшие из числа молодежи после обучения в крупном городе возвращаются на малую родину [26, с. 16]. Расчеты показывают, что на периферийных территориях, в т. ч. в малых городах возвратная миграция возмещает выезд на учебу в очень малой мере. Среди причин выбора места для постоянного места жительства (ПМЖ) являются

лучшее будущее (27 %), больше возможностей (26 %), качественное образование (24 %), желание жить самостоятельно (18 %), больше возможностей для досуга (14 %), благоустройство городской среды (13 %), наличие родственников и знакомых (12 %) [27, с. 347].

Как отмечает Н. В. Зубаревич, в депрессивных регионах локальная идентичность часто приобретает «оборонительный» характер: жители фиксируются на травматическом опыте (заккрытие заводов, отток населения) и воспринимают себя как «брошенных». Такая идентичность, основанная на обиде и жалости к себе, не способствует развитию, а, напротив, ускоряет миграцию [28, с. 60]. Поэтому для преломления ситуации необходимо включение всех структур — административных, культурных, семейных, образовательных. Процесс региональной идентификации — совокупность целенаправленных действий в рамках пространственно-временных координат с целью культивирования у человека устойчивого соотношения его смысловжизненного мира с региональным сообществом, формирования чувства «общей почвы». Организация и управление такого процесса — предмет деятельности социальной инженерии, в контексте которой региональная идентичность является устойчивой значимой характеристикой всех политических процессов региона [29, с. 16–17].

Предваряя демоэкономический анализ Еврейской автономной области, отметим, что область является тем регионом, который испытывает серьезный демографический кризис, одной из главных причин которого является отток не только молодежи, но и квалифицированного трудоспособного населения. Следовательно, трансформация оборонительной позиции в конструктивную, связанную с чувством полезности и сопричастности, — главная задача государственных структур, социальных институтов по формированию гражданской идентичности в ЕАО.

Результаты исследования

Еврейская автономная область является одним из наиболее проблемных регионов Дальнего Востока с точки зрения демографической динамики. Как отмечается в исследованиях, Дальний Восток и Крайний Север относятся к самым проблемным зонам России: количество заброшенных городов здесь выше, чем в других областях страны [1, с. 104]. Демографическая ситуация в ЕАО характеризуется устойчивой депопуляцией.

На протяжении последних десятилетий регион стабильно теряет население, недосчитавшись с 1992 года свыше 76 тыс. жителей.

По данным на 1 января 2024 года, в области проживало 145 801 человек, что на 1657 человек меньше, чем в аналогичный период прошлого года. При этом население уменьшилось в основном из-за миграционного оттока: 881 человек покинул регион по тем или иным причинам.¹

Особую тревогу вызывает отток молодёжи: большую часть межрегиональных мигрантов составили молодые люди в возрасте до 20 лет, выпускники школ, поступившие в вузы Хабаровского края, и молодые специалисты, получившие профессиональное образование в ЕАО, но выбравшие для своей карьеры соседний регион [3, с. 114].

Экономика ЕАО характеризуется слабой диверсификацией. Основные отрасли: сельское хозяйство (соя, пшеница, животноводство), лесная промышленность, добыча полезных ископаемых. Собственные доходы не покрывают расходов. Доля дотаций из федерального бюджета превышает 40 %. Уровень безработицы официально низкий (около 1 %), но скрытая безработица и занятость в неформальном секторе высоки [3, с. 116].

¹ Официальный сайт правительства Еврейской автономной области. Паспорт региона. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.eao.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

Ситуация усугубляется проблемами в социальной сфере. За последние пять лет в регионе не было построено ни одной школы в рамках нацпроектов «Образование» и «Демография».² Проблемной ситуация сохраняется и в медицине Еврейской автономной области. В сфере туризма, который мог бы стать одним из драйверов экономики, существуют системные проблемы, включая недостаточное развитие инфраструктуры и кадровый голод.

Важным фактором, усугубляющим отток, является близость Хабаровска (всего 170 км по железной дороге). Хабаровск — крупный экономический и образовательный центр, с более высокими зарплатами, разнообразным рынком труда и университетами. Это создаёт эффект «соседнего магнита»: для жителя ЕАО переезд в Хабаровск не требует кардинальной смены климата или разрыва семейных связей, он может навещать родственников на выходных. Такая «полумиграция» особенно опасна, так как она незаметно опустошает регион, оставляя лишь старшее поколение и бюджетников.

В то же время, как подчёркивается в научной литературе, проблема сокращения численности населения в результате отрицательного естественного прироста (депопуляции) является одной из важнейших проблем национальной безопасности России [17, с. 112]. В этой связи необходимы меры по сокращению оттока населения с территории Дальнего Востока, включая не только экономические (дальневосточный гектар, льготная ипотека), но и социокультурные механизмы.

На основе рассмотренных теоретических подходов и с учётом специфики ЕАО можно предложить ряд инструментов «мягкого» удержания населения, основанных на принципах либертарианского патернализма, адаптированных к российскому культурному контексту.

1. Образовательный грант с отсроченным возвратом.

Данный механизм предполагает, что регион выдаёт выпускнику школы сертификат на оплату части обучения (например, 50 % стоимости, но не более 150 тыс. руб. в год) в любом вузе РФ с условием, что после окончания вуза он отработает 3 года в ЕАО (по найму или как ИП). При невозврате регион выставляет счёт на сумму полученных денег с инфляцией, но без пени; долг фиксируется в базе ФНС, что может повлиять на получение налоговых вычетов или ипотеки в других регионах.

Этот механизм искажает выбор в пользу возврата, а за 3 года работы в регионе человек обзаводится семьёй, привычками и местными связями, что снижает вероятность последующего отъезда. Аналогичные механизмы обсуждаются на федеральном уровне: как отмечает Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко, необходимо мотивировать предприятия брать на практику учащихся и создавать условия для закрепления молодых специалистов.

2. Карта жителя с накопительным кэшбэком.

Каждый житель ЕАО получает карту (пластиковую или виртуальную), привязанную к прописке и стажу проживания. За каждый полный год проживания +1 % кэшбэка от суммы покупок в определённых категориях: оплата ЖКХ, аптеки, детские товары, проезд в общественном транспорте. Максимум — 20 % за 20 лет. При переезде в другой регион стаж обнуляется; при возвращении восстанавливается, но с потерей накопленных процентов.

Этот механизм создаёт финансовую инерцию: чем дольше человек живёт в регионе, тем больше скидок он получает, и переезд становится экономически менее выгодным. Важно, что карта не требует проявлений привязанности к родине, она просто экономит деньги.

² Встреча с временно исполняющей обязанности губернатора Еврейской автономной области Марией Костюк. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77819?ysclid=mskjcyeua38874564> (дата обращения 08.07.2026).

3. Пространственно-эмоциональные механизмы («парки поколений», «Стены возвращений»).

В школах и на прилегающих территориях создаются долгосрочные проекты благоустройства, в которых участвуют все классы на протяжении нескольких лет. Каждый класс вносит вклад: сажает деревья, строит скамейки, красит ограждения. На «Стене возвращений» размещаются фотографии выпускников, которые вернулись в регион после учёбы.

Эти механизмы работают на медленных эмоциях, создавая неосознанную привязанность к месту через личный вклад и историю. Уехать — значит бросить «свой» парк, который ты строил с 5 по 11 класс.

4. Сетевые механизмы («землячество наоборот», «крёстные родители», стажировки с возвратом).

- «Землячество наоборот»: регулярные (раз в 1–2 недели) бесплатные мероприятия для молодёжи 20–35 лет, живущей в ЕАО: настольные игры, походы, лекции. Цель — укрепить локальные дружеские и романтические связи.
- «Крёстные родители»: каждому студенту из ЕАО, уехавшему учиться в другой город, назначается наставник из числа успешных взрослых жителей ЕАО, который раз в месяц созванивается, помогает с проблемами, предлагает стажировку или работу после возвращения.
- Поддержка «короткой миграции»: программы стажировок в Хабаровске, Владивостоке, Новосибирске на 6–12 месяцев с гарантированным возвращением (контракт). Человек не отрывается от корней, приобретает опыт и возвращается.

Все эти механизмы должны быть максимально прозрачными и техническими, чтобы не вызывать подозрений в манипуляции. Как отмечают исследователи, формирование государственно-гражданской идентичности происходит как двунаправленный процесс, включающий институциональное регулирование и добровольную самоидентификацию [2, с. 95].

Недопустимо использовать скрытые алгоритмы или принуждение, только создание благоприятной среды для выбора в пользу остаться в регионе.

Конкретные шаги. Практические примеры: проекты «Парк поколений» и «Социальная карта жителя ЕАО»

Для апробации предложенных механизмов целесообразно выбрать пилотные площадки: одну школу в г. Биробиджане и один сельский район (например, Ленинский или Октябрьский, где высок процент сельского населения и отток особенно велик). Ниже представлен алгоритм внедрения с примерными сроками и ресурсами.

1. Проект «Парк поколений».

Цель: формирование эмоциональной привязанности к месту через личный вклад в благоустройство; снижение миграционных настроений у выпускников.

Этапы:

А) Подготовительный (1 месяц, август — сентябрь).

Администрация школы выделяет пустырь или заброшенный сквер на прилегающей территории (площадь 500–1000 кв. м). С привлечением городского ландшафтного архитектора (на общественных началах или за символическую плату 10–20 тыс. руб.) разрабатывается эскиз: дорожки из гравия, зоны отдыха со скамейками, детские качели, клумбы, информационный стенд. Утверждается смета: ориентир — 150–200 тыс. руб. на материалы (доски, саженцы, краска, щебень, гвозди, инструменты). Источник финансирования — муниципальный бюджет (статья «благоустройство») и спонсорская помощь местных предприятий.

Б) Основной этап (2 учебных года, 5–11 классы).

Каждый класс получает задание на четверть:

- 5–6 классы: посадка кустарников и цветов, уборка территории.
- 7–8 классы: изготовление простых скамеек и столов (уроки труда).
- 9–11 классы: строительство более сложных конструкций (навес от дождя, качели), покраска ограждений, монтаж табличек с названием класса и годом.

Координацию ведёт учитель технологии и классные руководители. Участие добровольное, но поощряется дополнительными баллами в портфолио.

В) Закрепление и ритуалы (ежегодно).

- 1 сентября — «День рождения парка»: вносятся мелкие улучшения, добавляются новые растения, проводятся классные часы на свежем воздухе.
- Последний звонок для 11 классов: они сажают «аллею выпускников» (5–10 деревьев) и передают эстафету 5-м классам.
- На информационном стенде размещаются фотографии процесса с подписями «Мы это сделали».

Г) Информационное сопровождение с нейтрально окрашенной подачей материала.

На сайте школы создаётся раздел «Наш парк» с фотогалереей и кратким описанием этапов. В местных СМИ (газета «Биробиджанская звезда», телеграм-каналы) публикуются заметки о ходе проекта как о примере школьного благоустройства, без броских лозунгов.

Ожидаемый эффект: через 3–4 года школа получает благоустроенное пространство, а ученики — опыт созидания. Выпускник, уехавший учиться за пределы области, приезжая на каникулы, видит «свой» парк, узнаёт скамейку, которую он смастерил в 8 классе. Это снижает желание окончательно порывать с регионом. При масштабировании на все школы Биробиджана (10–12 школ) город получит сеть зелёных зон, созданных руками детей, что усилит локальную идентичность.

2. Проект «Карта жителя ЕАО» (цифровая платформа).

Цель: экономическое стимулирование продолжительного проживания в регионе через накопительный кэшбэк; создание финансового якоря.

Механизм реализации:

А) Правовая база (6 месяцев).

Правительство ЕАО принимает постановление «О внедрении региональной карты жителя ЕАО и порядке предоставления скидок (кэшбэка) гражданам в зависимости от стажа проживания». Финансирование: региональный бюджет компенсирует торговым точкам и поставщикам услуг выпадающие доходы в размере до 2 % от оборота по карте (оценочно 5–10 млн руб. в первый год).

Б) Техническая платформа (4–6 месяцев).

- Интеграция с системой «МФЦ — ЕАО». Карта выдаётся бесплатно при достижении 14 лет или при первичной регистрации по месту жительства. Возможны два варианта: пластиковая карта (с чипом, как транспортная) и виртуальная в мобильном приложении. Технического оператора выбирают на конкурсной основе (например, «Яндекс» или местный банк).

В) Правила начисления:

- За каждый полный год проживания (подтверждается пропиской) +1 % кэшбэка. Максимум 20 %.
- Кэшбэк начисляется на покупки в категориях: ЖКХ (оплата через карту), аптеки, детские товары, проезд в общественном транспорте, услуги местных ателье, ремонтных мастерских.
- При переезде в другой регион (снятие с регистрационного учёта) стаж обнуляется, накопленные проценты сгорают. При возвращении стаж восстанавливается, но с потерей предыдущих процентов (начинается заново). Это стимулирует не уезжать надолго.

Г) Пилотный запуск (6 месяцев) в Ленинском районе (с. Ленинское, Амурзет).

- Карту внедряют для всех желающих (не менее 500 человек). Проводят анкетирование до и после: изменилось ли желание уехать, стали ли больше тратить внутри региона. Оценивают динамику оттока.

Ожидаемый эффект: через 2–3 года жители привыкают к кэшбэку и воспринимают его как часть нормы. Переезд для них становится не только сменой места жительства, но и потерей «заработанного» стажа, что откладывает решение о миграции на годы. При успехе карта распространяется на всю область.

3. Образовательный грант (законодательная инициатива).

Цель: повышение вероятности возвращения выпускников школ после получения высшего образования.

Алгоритм:

- Закон ЕАО «О грантах для выпускников общеобразовательных организаций на обучение в вузах за пределами области». Грант покрывает 50 % стоимости обучения (до 150 тыс. руб./год) в любом вузе РФ. Выплачивается непосредственно учебному заведению по предоставлению договора.
- Условие: после окончания вуза отработать 3 года в ЕАО (по найму или как ИП). Работа должна быть официально оформлена, при этом не имеет значения специальность (можно работать курьером или продавцом, главное — наличие регистрации и уплаты налогов в ЕАО).
- При невыполнении: возврат суммы с инфляцией (без пени, но с фиксацией долга в базе ФНС). Долг не передаётся коллекторам, но может быть учтён при получении налоговых вычетов, субсидий и ипотеки в других регионах (через межведомственный обмен).
- Срок действия гранта: 5 лет с момента выдачи первого транша. Если студент не вернулся, через 5 лет выставляется счёт.

Ресурсы: первый год — выделение 5–10 грантов за счёт перераспределения местных бюджетных средств (около 1–1,5 млн руб.). Постепенное расширение до 30 грантов в год по мере экономии на социальных выплатах отъезжающим.

Ожидаемый эффект: ежегодно 5–10 молодых специалистов возвращаются в регион, за 3 года работы они обзаводятся семьями и часто остаются навсегда. Стоимость одного «удержанного» жителя — около 450 тыс. руб. (грант за 3 года обучения), что сопоставимо с затратами на переселение по программе «Доступное жильё» (миллионы рублей), но эффективнее.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать общий вывод о том, что гражданская идентичность в депрессивном регионе не может формироваться исключительно на основе экономического успеха или этнического мифа. Она должна строиться на создании сети невидимых обязательств и привязанностей, которые делают отъезд экономически и эмоционально затратным. Идентичность — это напластование повседневности, а не результат пропаганды.

Социальная инженерия, и в частности либертарианский патернализм, представляет собой неизбежный инструмент управления в XXI веке. При корректном применении — с соблюдением принципов прозрачности, обратимости и расширения возможностей — она может быть этически приемлемой и эффективной. Скрытые манипуляции и принуждение недопустимы.

Сравнительный анализ с аналогичными регионами Российской Федерации и моногородами Дальнего Востока подтвердил, что ЕАО обладает уникальным сочетанием факторов: приграничное положение, этнокультурный конструкт «еврейской автономии» и транзитный потенциал Транссиба. Это требует не универсальных, а специально разработанных механизмов удержания населения, учитывающих как ресурсы, так и «комплексы» региона.

Русский коллективизм и патерналистские ожидания населения создают благоприятную среду для внедрения механизмов мягкого удержания, однако требуют особой осторожности в дизайне этих механизмов. Любое подталкивание должно восприниматься как «забота» и «техническое удобство», а не как манипуляция.

Для Еврейской автономной области наиболее перспективными представляются такие механизмы, как образовательный грант с отсроченным возвратом, карта жителя с накопительным кэшбэком, пространственные проекты («парки поколений», «Стены возвращений») и сетевые программы поддержки социальных связей.

Разработанный практический пример (пилот в школе г. Биробиджана и в Ленинском, Октябрьском районах) демонстрирует реалистичность предложенных мер при минимальных бюджетных затратах (примерно 150–200 тыс. руб. на парк, 5–10 млн руб. на карту в первый год, 1–1,5 млн руб. на гранты). При успешной апробации эти механизмы могут быть масштабированы на другие депрессивные регионы России.

Реализация предложенных механизмов не потребует значительных бюджетных вливаний, но должна быть системной и долгосрочной (10–15 лет). Последовательное применение инструментов мягкого удержания уже осуществляемое в регионе — поддержка гражданских инициатив, развитие инфраструктуры, предпринимаемые меры по продвижению социокультурного брендинга — позволяют с определенной долей оптимизма прогнозировать, что это и есть условия, формирующие поколение, для которого жизнь в ЕАО станет не вынужденным, а естественным выбором. Именно такая, бытовая, негероическая идентичность будет наиболее устойчивой для нашего региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бижанова, Е. К. Малый город в приграничном регионе России: социокультурные и социально-экономические проблемы / Е. К. Бижанова // Journal of the Belarusian State University. Sociology. — 2022. — № 3. — С. 103–108. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-3-103-108.

2. Дробижеева Л. М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. Электронный журнал. — 2018. — № 3(15). — С. 6–21. — DOI: 10.32726/2411-3417-2018-3-6-21.
3. Комарова Т. М., Калинина И. В., Соловченко С. А. Субъективные и объективные оценки личной занятости населения Дальневосточного региона (на примере Еврейской автономной области) // Вестник института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 101–122. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.717.
4. Бабинцев, В. П., Я. И. Серкина, М. О. Дерин. «Социальный инженер: перспективы институционализации социального статуса в цифровой реальности». Caucasian Science Bridge, т. 8, вып. № 4(30), декабрь 2025 г., с. 70–87, doi:10.18522/2658-5820.2025.4.5.
5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2005. — 528 с. — («Концепции»). ISBN 5-8291-0629-9. URL: https://yanko.lib.ru/books/sociology/giddens-ustroen_objestva-a.htm (дата обращения 24.04.2026).
6. Бауман, Зигмунт (1925–2017). Индивидуализированное общество [Текст] / Зигмунт Бауман; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества, Журн. «Свобод. мысль». — Москва: Логос, 2002. — 325 с. URL: <https://reallib.org/reader?file=717731&pg=31> (дата обращения 24.07.26).
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М.: AdMarginem, 1999. — 480 с.; илл. URL: <https://djvu.online/file/9wS7Rm6NVEwqX?ysclid=monxmdbj3s487501717> (дата обращения 24.04.2026).
8. Талер, Р. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / Р. Талер, К. Санстейн. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. — 336 с. URL: <https://knizhnik.org/kass-sanstejn/nudge-arhitektura-vybora-kak-uluchshit-nashi-reshenija-o-zdorovje-blagosostojanii-i-schastje/5> (Дата обращения 04.07.2026).
9. Романовская, О. В. Либертарианский патернализм и его влияние на развитие правовых институтов в России и за рубежом / О. В. Романовская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2020. — Т. 24. — № 4. — С. 108–125. EDN: PREBEQ. DOI:10.22363/2313-2337-2020-24-4-919-941, с. 112.
10. Раттур, М. В. Патернализм как маркер российской идентичности в правовой идеологии и социальной практике на рубеже XIX–XX веков / Раттур Мария Владимировна — Текст: непосредственный // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 2, Ч. 1. — С. 9–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paternalizm-kak-marker-rossiyskoy-identichnosti-v-pravovoy-ideologii-i-sotsialnoy-praktike-na-rubezhe-xix-xx-vekov> (дата обращения 24.04.2026).
11. Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 90–103. EDN:SBUMUD.
12. Темницкий А. Л. Патерналистские основы российской цивилизации в сфере труда // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2. С. 51–69. EDN:RYVHRO.
13. Долгаева Е. И. Патернализм или эффективное государство: социальные ожидания населения // Регионология. 2013. № 4(85). С. 185–196. EDN:RRSCUP.
14. Hausman, D.M. and B. Welch, 2009, “Debate: To Nudge or Not to Nudge,” Journal of Political Philosophy, 18(1): 123–136. doi: 10.1111/j.1467-9760.2009.00351.

15. Арнесон, Ричард Дж., 2015, «Подталкивание и выталкивание», *Social Theory and Practice*, 41(4): 668–691. doi:10.5840/soctheorpract201541436.
16. Свендсен, Л. Философия свободы / Л. Свендсен; перевод с норвежского Е. Воробьевой. — Москва: Прогресс-Традиция, 2016. — 264 с. URL: <https://djvu.online/file/PyMDdcjBwmtmM?ysclid=mskbv5x2p022728170> (дата обращения 08.08.2026).
17. Эрикссон Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эрикссон; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. — 2-е изд. — М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. — 352 с. URL: <https://pubdoc.ru/doc/326449/e-rikson-e-rik-identichnost.-yunost.-i-krizis?ysclid=mov60ts7mx671780011> (дата обращения 24.04.2026).
18. Tajfel H. (Hg.): *Social Identity and Intergroup Relations*, Cambridge University Press: Cambridge 1982, 546 S DOI:10.1007/978-3-658-13213-2_75.
19. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с. URL: <https://djvu.online/file/wgQXOnzcXMkRn?ysclid=moply16r8l776951645> (дата обращения 06.04.2026).
20. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; науч. ред. пер. М. С. Ковалева. — Москва: Аспект Пресс, 1998. — 269, [1] с. URL: <https://djvu.online/file/cUtQ3FjUeWtgy?ysclid=mopm6iyvsvx438098186> (дата обращения 24.04.2026).
21. Невеличко, Л. Г. Формирование идентичности местного сообщества в условиях глобализации / Л. Г. Невеличко, И. М. Воротилкина, Н. В. Белкина, Е. П. Шарина // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/42SCSK322.pdf> DOI: 10.15862/42SCSK322.
22. Волков Ю. Г. Региональная и гражданская идентичность как фактор консолидации российского общества / Ю. Г. Волков, В. Н. Гурба, И. А. Гуськов // Гуманитарий Юга России. — 2024. — Т. 13, № 3. — С. 14–24. — DOI 10.18522/2227-8656.2024.3.1. — EDN SKORWZ.
23. Ткаченко, А. А. Задачи пространственного развития России с точки зрения демографических процессов и национальной безопасности / А. А. Ткаченко // Вестник РАН. — 2023. — Т. 93. — № 2. — С. 112–120. EDN:FDMMIP DOI: 10.31857/S0869587323020111.
24. Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России. Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 6. С. 82–89. EDN: XZQZSR.
25. Мкртчян Н. В., Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242. EDN:YORVWV DOI:10.14515/monitoring.2017.1.15.
26. Кашницкий И. С., Мкртчян Н.В., Лешуков О. В. Миграция молодежи в России // Демоскоп Weekly. 2016. № 703–704. EDN: XDSNWF.
27. Кагиян А. В., Соловьев И. А., Зольникова Ж. Ф. Территориальные особенности миграционных намерений старшеклассников Ставропольского края // ИнтерКарто, ИнтерГИС. — 2024. — 30. — с. 337–353. — DOI: 10.35595/2414-9179-2024-2-30-337-353.

28. Зубаревич, Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н. В. Зубаревич. — М.: Независимый институт социальной политики, 2019. — 234 EDN:VNFDJX.
29. Казакова, Г. М. Региональная идентичность как результат социальной инженерии / Г. М. Казакова // Человек .Культура .Образование. — 2021. — № 2. — С. 12–25. DOI: 10.34130/2233-1277-2021-2-12.

Tsyrunnikov Kirill Ivanovich

Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Rossiya
E-mail: i@tskirill.ru

Nevelichko Lyubov Grigorievna

Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Rossiya
E-mail: inevelichko@bk.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=655894

Kashtanyuk Valeriya Alexandrovna

Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Rossiya
E-mail: valeriya-77@mail.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=642812

To stay or to leave: civic identity of regional residents in a complex socio-economic situation

Abstract. The issue of civic identity takes on particular significance in the context of increasing out-migration from small towns and economically distressed regions of Russia. This study focuses on the Jewish Autonomous Oblast (JAO) — a unique region experiencing profound depopulation.

The aim of this study is to examine how the civic identity of JAO residents influences their migration attitudes and whether it can serve as a factor in population retention.

The research employs both general scientific methods and content analysis of regional media and social media to identify key narratives about territorial identity.

The findings reveal that, despite population decline, a portion of JAO residents maintain a strong local identity linked to the region's unique history. However, this identity more often functions as a "nostalgic anchor" rather than a factor preventing youth out-migration.

As a mechanism for forming territorial identity, the authors consider the positive resource of social engineering as a social technology that encourages people to take actions that improve quality of life, strengthen social ties, and address social problems.

The results show that in conditions of depopulation, civic identity in the JAO is contradictory: it maintains connection to the territory among the older generation but is unable to stop youth migration.

The research data call into question the effectiveness of traditional approaches to strengthening territorial identity in distressed regions and point to the need for implementing new strategies proposed by the author that take into account economic and infrastructural factors.

Keywords: identity territorial; identity civil; social engineering; statism; paternalism; migration outflow; demographic crisis